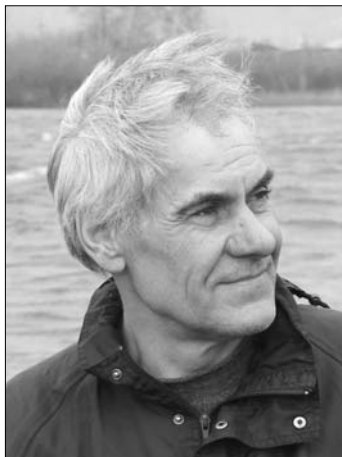

СЕРГЕЙ КОРБУТ

КРУЖИТ
АНГАРСКОЕ ТЕЧЕНИЕ...

* * *

Затянулась остуда декабрьских морозов,
И до срока сковали Байкал холода,
Но пока он был в силе, настроил торосов —
За волною волна, за грядую гряда.

Он разламывал гнёт, сколько мощи хватало,
И теснил к берегам ледяные поля,
Где в расколы вода, как фонтаны, хлестала,
Создавая пещеры, творя купола.

Вырастали внутри ледяные причуды
Ряд за рядом: сосульки, капли, куржак.
А снаружи осколки в прозрачные груды
Собирала вода, перед мысом кружа.

И опять уступала крепчающей стуже
Метр за метром, на лёд намывая внахлёт
Вперемешку с шугой слой осколочных кружев,
А потом, разломив, льдины ставила в рост.

КОРБУТ Сергей Владимирович окончил отделение журналистики Иркутского государственного университета. Работал корреспондентом ряда изданий, ответственным секретарём “Народной газеты” и “АиФ в Восточной Сибири”, главным редактором областных газет “Губерния” и “Культура”, зав. отделом прозы в журнале “Сибирь”, директором издательства “Иркутский писатель”. Выпустил поэтический сборник “Все стихи, 2005”. С 2006 года — член Союза писателей России.

А когда окончательно волны смирились,
По байкальскому льду разгулялась пурга,
И торосы, как шубами, снегом укрылись...
И сияют под солнечным небом снега!

* * *

Пытается душу мою убаюкать дорога,
Колёса стучат осторожно в ночной тишине:
“Осталось немного,
осталось немного,
осталось немного...”

О чём эта песня?
Но с нею спокойнее мне.

Немного осталось, и значит — забыта усталость.
Осталось чуть-чуть — и терпимей оставшийся путь.
И мысли уже о покое — осталась-то малость.
И меньше желания с дальней дороги свернуть.

Я знаю, конечно, я знаю: дорога обманет,
Устроит привал ненадолго, а после опять
Каким-нибудь чудом в закатные дали поманит,
Усадит на поезд, в котором не грех и поспать,

Глаза открывая на каждом ночном перегоне
И вновь отключаясь под песню вагонных колёс.
О чём эта песня?

Когда-то копытами кони
Её настучали, а поезд по стыкам понёс.

Любые слова на дорожную тему ложатся.
Пока тебе машут прощально рукою с крыльца,
Ты слышишь, как в душу зазывные звуки стучатся:
“Ещё далеко, далеко, далеко до конца”.

* * *

В этом доме не жил Трубецкой
И Волконские не были зваными.
Отчего же смотрю я с тоской
На подпаленные развалины.

Чей-то офис появится тут,
Бизнес-центр с рестораном и сауны?
Для того “деревяшки” и жгут
Нувориши — моральные дауны.

Может, был этот дом неказист,
Не трудились над образом зодчие,
Но истории вырванный лист
Был не хуже, чем многие прочие.

Под кленовым навесом скамья
Приглашает присесть в размышлении.
В этом доме простая семья
Прожила не одно поколение.

Было дело: лет сорок назад
В этот дом я студентом заглядывал.
Помню: снимки повешены в ряд —
Родова, начиная от прадедов.

Помню медный большой самовар,
Этажерку, машинку от Зингера,
Сундуки, утюги, кружева,
Балалайку — хозяин наигрывал...

Мой сокурсник водил, как в музей,
В дом, где снял комнатёнку удачливо,
Любопытствующих друзей.
Нас хозяин, подпив, озадачивал

То легендами о Ермаке:
Как за Камень пошёл со товарищи,
Как тонул на Вагае-реке,
Не дождавшись победы решающей...

То картинами жутких страстей
Из эпохи раскола церковного;
Как горел Аввакум на костре,
В многопудные цепи закованный...

Что откуда он брал, не скажу,
И рассказов его не записывал.
А теперь у развалин сижу,
Будто кто-то из прошлого выставил.

Может, нет и причины такой,
Чтоб страдать, как от происка вражьего?
Ведь не здесь проживал Трубецкой,
И Волконский сюда не захаживал...

* * *

На Ангаре морозным вечером
Мы ночь крещенскую встречаем.
Течением потока Млечного
Кораблик месяца качает.

Кружит ангарское течение
Обломки льда в потоке быстром:
Небес крещенское свечение
На них отбрасывает искры.

Ложусь, скольжу к воде по настыли,
Почти прозрачной в свете лунном,
И отзвук льда лова опасливо,
В закрае вырубаю лунку,

Чтоб воду ковшиком начёрпывать
Удобней было, да и страшно
Нависнуть над волнами чёрными
На тонкой кромочке вчерашней.

Всё ж, оградив лицо ладонями,
Взор вглубь стремнины погружаю,

Где чуть приметно камни донные
Свечение неба отражают.

Благословясь крещенской полночью,
Передавая ковш по кругу,
Мы наливаем флягу полную
И улыбаемся друг другу.

Слов не найти — ликуем жестами,
Без слов понятными прекрасно:
Так благодатно, так торжественно
Всё поднебесное пространство!

Уже не раз мы это видели
На Ангаре и на Байкале,
Но, как впервые, удивительно,
Как будто чудо отыскали.

И снова на двенадцать месяцев,
Как откровение, запомним:
Небесный ковш Большой Медведицы
Крещенской благостью наполнен!